

Владимир Каткевич

Фонарь

Рассказ

После войны, когда поток перемещенных лиц из Европы в Австралию был особенно напорист, линейных лайнеров не хватало. Рынок отреагировал на острый дефицит дедевейта без раскачек. На верфи в Глазго аврально реконструировали сразу четыре угольщика под пассажирские суда скромного класса. Чтоб без барства и шика. Одно санитарное спартанство. Понимали, что эмигранты капризничать не решатся. При этом оборудовали пять трюмов для багажа. В трудные времена стараются прихватить как можно больше – все сгодится. Парадокс. Чем труднее времена, тем больше клади у переселенцев. Комоды с собой волокли, канареек, ульи, самовары, сажены, клавесины. У кого, конечно, они уцелели. Даже ягнят тайком возили на развод. Кроликов. Владельцы живности селились в трюме, чтоб подкормить питомцев тертым жмыхом. Пробовали возобновить жизнь не совсем с чистого листа.

В трюмах и твиндеках также ютились по бедности и самые неимущие. Или кто стерег личное барахлишко. Чтоб голодранцы не ломанули его хлам. Публика ведь шальная шарахается. Обиженная войной. Команда на эти нарушения закрывала глаза. Даже милосердно жаловали ночные горшки. Прибывались и матерые золотоискатели в Балларат с лотками, теодолитами и полосатыми рейками.

Тогда казалось, что спрос на такие плавучие утюги не иссякнет. Эти океанские челноки-бичевозы с запасом плавучести носились взад-вперед резво с полной загрузкой и даже перегрузкой. Но трюм ведь не резиновый. Сорванные с якорей бедолаги без

предрассудков почивали в гробах. А что? Это удобно и персонально. Хотя бы пока тара порожняя. В трюме штабелировали расходные домовины. На крайний случай. Смертный. Доходяги ехали ослабленные, истощенные, поэтому казенные кофы не были лишними.

Эконом-пароходы своими высокими трубами с куполом-полусферой на топе оживили пейзаж у барашков Большого Барьерного рифа. На тихоокеанском большаке можно чапать хоть сутки, сколько не жалко, иной раз дымка не увидишь. А пароходы с красной полосой на трубе – вообще штучная редкость. Как летающие тарелочки. По ленд-лизу. Поэтому, когда на «Тринидаде-2» (Первый «Тринидад» был, как известно, у Магеллана) увидели красный флаг на стенге встречного сухаря – либерти «Свирь», перемещенные лица испуганно растрогались. А когда суда расходились на расстоянии считанных кабельтовых, многие отворачивались, лица прятали на всякий случай. Особо мнительные или кто не хотел предъявляться. Чтоб не запечатлели их осунувшиеся после фильтрации и контузии фэйсы с помощью дальнобойных фотоаппаратов «ФЭД». Но не будем ерничать, тем более всех этих лиц поголовно нет в живых.

Со временем ажиотаж умерили, осадили, стали придирчиво отсеивать. Хроников и туберкулезных браковали, и поток иссяк. Воздух возили прагматично недолго. Политэмигранты предпочитали летать самолетом, за облаками лицо не увидят, а барахлишко благословлять по плавпочте малой скоростью.

Линейные пароходы для народа свое отслужили, спрос упал. Но затраты окупились, с лихвой. Достигнутый коммерческий успех обозначили гуманитарной акцией. Так у них принято. Экономутюги поставили на прикол в речке Фал (город Корнуэлл под Саутхемптоном). Отставные рысачки интенсивно ржавели, на них хозяйничал пожилой сторож с пожилой собакой. Рыбку удил. Пока лоханки ретро не приобрел Совфлот. Говорят, по большой дешевке. Купили сразу два, так еще дешевле. По слухам, замахнулись на еще один систершип этой же серии, чтоб по малому опту цену вторично спустить, но не задалось. Один памятно нарекли «Механиком Ланцем». По экстерьерным признакам «Ланц» мудрено обозначался газопаротурбоходом. В самом нагромождении

терминологии таится универсальный подвох. Сейчас такие пароходы не строят, не выгодно, компания может быстро вылететь в высокую трубу, а тяга там дружная. Их уже и не помнят.

Молодежь вообще артачилась ехать на приемку утиля. Даже не слышали о таком чуде-юде, думали, на колесное ретро заманивают. «Эти утюги, конечно, уже дрова, причем сырые, – прикидывали хитропопые, – их не оживишь. Хоть суточные срубим, опять же в музей восковых фигур сходим».

После скандалов с верфью с помощью известной матери утюги оживили. Хотя бы на переход. Но потом разохотились и пустили раритеты в Океанию челночить в круизах. Почему не ковать валюту на дармовщинку? Вот тут-то и таились трудности. На коротких стоянках у островов и атоллов котлы не успевали остывать. Сгоряча сунулись их героически ремонтировать, как принято у нас. В тропиках-то.

Кто-то, говорят, отдуплился. Или вероломно врут.

Не сразу подобрали механиков-турбинистов редкого профиля. Тралили штрафников на Крымско-Колымской, приманивали с «Бухенвальда» («Нахимова»), срочно открывали визу оступившимся. Ископаемые кулибины привели на товсь котлы. Всем на удивление. И воодушевились. Решили отметить артельную шабашку ударной выпивкой. Камбуз по инерции еще работал сносно, даже омаров подавали. Маслопупы ночью полпуда этих омаров выловили из-за решетки в холодном буфете. С помощью швабры поддели лохань. Сварили по кондовой кочегарской привычке на остром пару. Так что брагу из огнетушителя закусили деликатесами. Правда, трапезу продолжили не все. Морепродукты зашибали волглой шваброй.

«Механик Ланц» стал резвее бегать в экономкруизы по островам Океании: сегодня Новая Каледония, завтра Фиджи. И надо же было случиться, что в путешествие затесался пожилой житель Дарвина некто Майкл Гор. В молодости еще в иммиграционной сопроводилке (справке об освобождении) обозначался Мишкой Горянским и благословлялся в Австралию в качестве перемещенного лица. Где когда-то прятал свое перемещенное лицо от советского парохода «Свирь». Спустя много лет он снова плыл на том самом пароходе, на котором в лиху годину просочился

в страну кенгуру. Как позже выяснилось, с поддельными документами. Специально потратился именно на этот реликтовый паротурбоход, купил билет – все-таки жизнь к закату, ностальгия гложет.

* * *

И тут вдруг по трансляции сообщили, что в открытом океане произойдет разминка, не встреча, а именно свиданьице на скором ходу. «Механик Ланц» разминется с земляком одесской приписки систершипом «Капитаном Кнабом». На встречных курсах. Что, Майклу Гору снова лицо прятать? Хотя его теперь и так не опознать. Сообщили подробно тщательную точку в океане. Где-то на безопасном удалении от Большого Барьерного рифа. Указали координаты с точностью до минут, время тоже до минут и дату. А зачем? Все равно у экипажа нет ни карт, ни охоты искать эту условную точку невозврата.

Экипаж ожидал встречи с нетерпением и трепетом. Воодушевились без причины и вероятного следствия. Кто-то на «Кнабе» работал, у кого-то там знакомые, ровесники по училищу поваров и официантов. Вспоминали однокашников, хуторян, проделки, Высоцкого. Высоцкий по приглашению молодого капитана гостил на борту одного лайнера и написал четыре песни. Песни его крутили на «Кнабе», причем не исподтишка в знак протеста, а оглушительно прямо по судовой трансляции, «Шлюпочную тревогу» и другие.

Ажиотаж был неоправдан, разминка не сулила ничего конкретного, все равно с кабельтовых в считанные мгновенья не разглядеть. И не услышать. Время встречи запомнили, а вот на дате не зафиксировались. Когда сутки расчленены вахтами, особо не заморачиваются, какой нынче день на календаре. Некоторые и месяц путают. Редко – год. Оно понятно, в рейсе все в обороте, за мельканием жизни не поспеть. Известили о randevu заранее, думали с нетерпением, что встречный гуднет завтра. Потому и вывалили на палубу. Не все, стайка самых рассеянных и приспиченных.

А никаких признаков парохода не предвидится. Великий океан в этих необъятных местах почему-то особенно тихо разлит. Самолеты в высоком пространстве серебрятся гораздо чаще,

дразнят. Горизонт сияет, манит, слепит до рези, но это нейтральное безбрежье на многие мили безлюдное. Бескрайность угнетала, они уже чапали четвертые сутки без заходов. Цвет вод был изумрудным, таким, как на рекламных открытках, но неживым. Вот в родном Черном море, куда несут живую воду с канализацией четырнадцать больших рек, колер все-таки бутылочного стекла, особенно зимой, понятный, а здесь сплошная реклама.

Наконец администратор Чмаров заметил блестку, причем в противоположной стороне. Перепутал плавсредство с островом. Дремучее навигационное невежество, кстати, характерное для односторонне образованных. Заучился в университете. Пока они не разминулись с Кокосовыми островами, ждал неизвестно чего. Блесткой был тамошний маяк. На острова пялились, как на мушку в глазнице. До косоглазия. Острова осточертели. От кораллов, летучих рыбок и пальм откровенно мутило.

– А что, разве мы не будем чалиться? – развеселил глупостью толпу Чмаров. И пошел прочь в нутро. Ему что? У него жена под теплым боком, тоже администратор. Такое счастье, лишний стопец не позволит накатить. Не дай бог!

– Опять нагрели! – возмущались. – Кругом обман.

Любой остров – обман. Ждут землю, а получают ее признаки. Обойди остров Соломонов – и снова придешь в ту же точку. И найдешь окурочек «Беломорканала» фабрики имени Урицкого. Большой обман – Гаити, Новая Земля, а малых не перечесать. Да тот же Змеиный, признак Одессы. Остров отнюдь не признак парохода. Даже если там есть ветхий причал.

– Вы что, поехали? – одергивали. – Мы же разминемся только двенадцатого февраля.

– А число разве не переводят? – спрашивали особо азартные. В памяти многих было одно и то же число в кругосветке, когда пересекли линию перемены дат у островов Тонга. С тех пор голова кругом.

Пассажиры с участливой улыбкой тактично наблюдали за балаганом. Самое нелепое, что и на другой день всем на потеху пришлепали ожидающие, правда, другие. Поток навигационных невежд не иссякал. А солнце катилось от парохода в волны за горизонт, чтобы утром нагреть палубу, как сковородку, и снова без усилий обогнать.

* * *

– Можешь дать мне на время фонарь? – попросил старший моторист Шек второго механика Каминского.

Источник света достался от англичан, прежних хозяев «Три니다да-2», и был сработан основательно. Блок питания у фонаря располагался под рефлектором, как магазин на маузере фирмы «Браунинг». Шек управлялся одной рукой.левой. Правая рука и ключица были загипсованы, Шек получил травму на вахте и был переведен на легкий труд. Поручили расклинивать трубопроводы, дрожавшие от вибрации. Работал он хоть и одной рукой, но ловко и разумно. Шек пошлепал в кладовую машины и совершил невозможное, выцыганил у жадины-кладуна два комплекта фирменных английских аккумуляторов.

Шека на «Ланце» жалели. Ему не везло. На «Кнабе» он с четвертого механика был разжалован в рядовые и списан. Из-за фонаря, который поставил под глазом самому молодому стармеху пароходства (!) Кроку. Кандидату технических знаний. История эта выглядела на уровне добротного жизненного анекдота и передавалась по морскому телефону. И тиражировалась. Шек был видным парнем, как, впрочем, и его соперник полиглот Крок.

Офицеры знали друг друга с курсантских времен. Крок был на четвертом курсе, когда Шек салажничал на первом. Они даже в перерывах в кубрике экипажа боксировали, подпрыгивали и ложно перемещались. Специально заедались. Полиглот Крок рано сделал карьеру, защитил диссертацию, получил ученую степень (остепенился) и стал самым молодым стармехом в акваториях. О Кроке писали в газетах «Моряк» и «Водный транспорт». За это время Шек дорос до третьего механика и был понижен за грубость (рукоприкладство) к нерадивому машинисту. О Шеке писали только в дисциплинарную комиссию и партком.

На капитанском ужине после представления старших офицеров пассажирам тридцатилетний «дедушка», стармех Крок, прошелся на руках через пятачок музыкального салона. Под овации и воздушные поцелуи. И, естественно, воодушевился. Для совместного вечера отдыха пассажиров и экипажа.

Присутствие иностранцев стреноживало, наши все-таки танцевать быстрые твисты тушевались. Помполит по своим

совковым понятиям стал робких молодых людей сопровождать к девушкам и силком заставлял ангажировать наяду на танец. Поскольку помпа был подслеповатым, да еще выпивши, он, возможно, принял недавно назначенного стармеха за молодого специалиста и отбуксировал его к фактурной фемине. Она самому помпе глянулась. Ее звали Лилианой, а прислуга обозначала Ундиной. Ундины помпа тоже принял за юную сирену, хотя у нее в деревне была дочка, а на пароходе шип-бой Шек. Основательно женатый человек, у которого в Балте двое детей-погодок. Разумеется, о пароходном романе знали все кому не лень. И кому лень. Стармех не посмел послушаться и закружил даму в вальсе. Она, надо признаться, вальсировала с подъемом, юбка парашютно надувалась, пассажиры аплодировали. У Шека были основания считать, что не Крок, а Ундина положила на стармеха зеленый глаз. Четвертого механика Шека такой поворот темы взбесил, и он поставил разбоготившемуся стармеху фонарь под правым глазом. По-свойски.

– Офонарительно! – реагировала машинная команда.

Четвертый механик Шек продолжил свое падение. На «Механик Ланц» его взяли старшим мотористом. Сочувствующие считали, из жалости. На новое судно Шек перешел со шлейфом сплетен и отголосками скандалов.

На «Ланце», как уже сообщалось, падение продолжилось. Уже в буквальном порядке. Шек сорвался с верхних решеток, но остался жив. Теперь на «Кнабе» к встрече в океане готовилась его дама сердца. Хотя волноваться ей не рекомендовали. Ундина была беременна, об этом знал весь женский персонал «Кнаба» (сто девяносто восемь красавиц) и, разумеется «Ланца». И еще на двух десятках пассажирах-рысачках.

Как и было обещано, в первом часу дня в известной штурманской точке на траверсе Большого Барьерного рифа от горизонта отделилась мушка и стала на глазах оформляться в силуэт, напоминая логотип пароходства. Тысяча двести человек (помимо экипажа еще пассажиры) облепили левый борт «Ланца». Время randevу было выбрано неудобно, в канун обеда. Однако пассажиры ланч саботировали и стадно ринулись на палубу снимать. Лайнер, имевший запас устойчивости утюга, даже не дрогнул. Все

на «Ланце» с волнением разглядывали толпу на кормовой швартовой палубе «Кнаба». Люди на «Кнабе» были размером с москитов.

– Ну ты, Чопик, и пачку отъел! – отреагировал ланцевский боцман Катеринка, увидев в дальномер кнабовского подшкипера Чопа.

Подшкипер с расстояния в три кабельтовых этого не мог услышать. Сотовые телефоны тогда были в диковинку, ими оснастили только коуст-гард. Потому выразительная мизансцена выглядела кадрами из немого кино (с обмороками) под бешеный темп подвыпившего тапера. Девушки от недержания чувств сморкались в бумажные салфетки. Пассажиры прониклись сочувствием, растрогались и сами хотели разглядеть пароход, но отзывчиво доверяли собственные бинокли-цейсы экипажу. У них просили якобы на минутку, но потом забывали вернуть, и бинокли пошли по рукам.

Майкл Гор дал Шеку свой бинокль. Неумный Шек с одной рукой вскарабкался на марсовую площадку и мигал оттуда фонарем. С боут-дека «Кнаба», где суперлюксы, ему отвечал в таком же неистовом ритме дорогой ему огонек. Посылающий сигналы сердца. Перемигивание выглядело трогательно. В бинокли видели, как Ундина вытирала слезы и размазывала тушь по лицу. Обрученные морем, но не обвенчанные, находились в поле зрения полторы минуты, рейс же длился тринадцать месяцев.

Впрочем, все получилось не настолько опереточно. Как хотелось бы. И дальше не смешно. И разухабистость здесь неуместна. Юный матрос-уборщик С-ий увидел в бинокль, как на «Кнабе» его ненаглядная восемнадцати лет от роду стоит в обнимку с каким-то верзилкой. Зачем ей такой афронт? По недомыслию? Или хотела насолить в отместку? Матрос С-ий ушел с палубы в очевидном расстройстве.

Подчеркнуто безучастно по отношению к обитателям вели себя сами пароходы. У обоих рысачков на борту пассажиры, у каждого лайнера свои задачи, жесткое расписание, времени на сантменты не отпущено. Скорости наложились. Казалось, галдеж и плач даже раздражает пароходы, и они спешат разминуться. Когда лайнеры находились на самом коротком расстоянии, даже показалось, что они прибавили обороты. «Кнаб» загудел зычно,

и звук приблизил его, сократил нормативные кабельтовы, обозначенные в строгих правилах безопасности схождения-расхождения. В гудке была тревога и сила. Тоски – нет, не было. Не положено. Только деловитость, память и регламент. Они уже не воспринимались миражами.

Суда разминулись до обидного быстро, чтобы снова стать тающими точками. Каждый водоплавающий думал об одном и том же: как мимолетна жизнь.

Каминский плеснул Шеку технического спирта. Шек вторично одолжил у Каминского фонарь. Попользоваться. Его послали в трюм освободить заваленные хламом гробы. Срочно понадобились домовины. Расходные гробы, как уже сообщалось, остались от англичан еще со времен линейных рейсов. Сейчас аккуратно был печальный повод. Сначала говорили (начальство, видимо, специально дезинформировало), что пассажир скончался от сердечной недостаточности. В глубоко реликтовом возрасте. Обреченный болезнью. Даже вроде бы завещал себя скромно похоронить за счет судоходной компании, то есть подгадал развязку.

Пассажиры заглядывали в трюм, изображая переполох и соборезнование.

– Что-то случилось? – вкрадчиво интересовались. Хотя знали, что именно.

– Все нормально, – неубедительно успокаивал любопытных боцман Катеринка. – Разбираем хлам. На всех судах ЧМП ленинский субботник, мэ.

– А что это такое?

– Аврал в честь дня рождения товарища Ленина.

– Но день рождения удобнее отмечать в кругу близких.

– Мы и есть все близкие. Куда уж ближе?

Когда Шек спускался по скобам в трюм, Гор ошивался у комингса, все заглядывал. Как кот. Домовину свирали, но Шек не уходил, тактично тасовался, курсировал крутыми галсами поблизости.

– А ведь я тоже в таком гробике попал в Австралию, – признался Шеку. Может, для форса.

Выяснилось, что по каким-то причинам у него не было комплекта документов. Или слишком грубо сфабриковали справку об освобождении. Только непонятно от кого. Персонально Гора

или об освобождении Королевства от Гора. Чтобы не повернули, он поселился в душном трюме.

В твиндеке (этажом выше) жили кочегары из барбадосских и ямайских негров. Кочегары и организовали вакантный гроб под зайчика Гора. Когда вирали гробы, Гор сыграл в ящик вместо одного покойника. По документам почившего. Для страховки матрос-ямаец за мелкие деньги закрыл Гора на английский замок. Кофы были оборудованы врезными замками. Зачем? Замок как последняя гарантия. Тело навряд ли умыкнут, а вот карманы босота может облегчить. Или на золотую коронку позарятся. Мало ли...

В Мельбурне домовину из багажного трюма выволокли, но почему-то не спешили отворять. В гробу имелось окошечко. Контрольное. Возможно, чтобы убедиться, что покойник не шалит. Через это окошко Гор видел, что темнокожие суетятся, заглядывают, корчат страшные гримасы, даже угрожают. Один предупредительно плюнул красным на окошко. Он жевал бетель. Выяснилось, что ключ они где-то похерили. Или вовсе не потеряли, а вымогали дополнительный гонорар. За риск. Гор показал в окошко мелкий пенс, и ключ сразу нашелся. В Мельбурне Гор еле дотерпел до вошрум, прихватило, поэтому эйфории не случилось. Он откатал балласт и выдал каждому темнокожему участнику по контрацептиву. Издержки? Они, конечно, имели место по бедности, без них не бывает. В вошрум, где облегчался Гор, через верх прилетело резинотехническое изделие номер раз. С кочегарской мочой.

Мутная, конечно, история. Но у Гора, видимо, был резон прорываться в Австралию. Чтобы затеряться. Афера удалась.

– Жаль вашего парнишку, – поделился Гор с Шеком. – Молодозелено. Такой возраст самый подходящий для глупостей. Очень жаль. А мог бы жить. Он был одесситом?

– Не знаю, – ответил Каминский.

– А ведь я до двадцати лет жил в Одессе на Воронцовке, надо бы съездить. Пустят?

– Пустят-то, пустят, главное, чтоб выпустили, – неуместно пошутил боцман Катеринка.

– А сколько тому парнишке было? – попытывался Шек.

Говорили, что матрос-уборщик С-ий удавился. Его сирена предпочла другого.

Оказалось, для С-го гроб и готовили... Вот так все сразу скопом, страшное и главное...

А после вечернего чая Каминский увидел этого самого паренька С-го. Оказалось, он успокоил нервы в каюте и появился на юте. Макрель удил. Чтобы опознали его живым и отстали. А злые языки распустили пулю... Не по-людски получается. Как сообщалось, покойник все-таки случился, отмучился пассажир.

* * *

Шек был не очень везучим, но яростным человеком. Года через три на площади Толбухина его «опель» сцепился бампером с трамваем тринадцатого маршрута. Шек рассчитывал ювелирно выскочить из пробки вплотную к трамвайной корме, но зацепился. Это большая редкость. За трамвайной «колбасой» волочилась цепь с крюком, он и нанизал «опель», как бычок на нок. Каминский тоже маялся в пробке и пошел помогать – моряк моряка не оставляет в беде. Раскачали «опель», и он слез с крюка. Как голлавль. Крюк, правда, вырвали с корнем.

Ундина же подралась с ватманшей. У Шека после крученого перелома рука зажила плохо, ныла на погоду и рассеянных вагонновожатых. Он еле разнял дам. Пока делал брек, кто-то окликнул. Из трамвая вышел Гор. Возможно, он прорвался в Одессу по чужим документам.

– Дайте хоть на вашу избранницу гляну, – молвил старомодно и притворно Гор. – Да, теперь я тебя понимаю, она – красавица!

Гор чувствительно сдал, ковылял с эвкалиптовой палочкой. Но хорохорился. Гору предложили сесть в машину Шека. Тот отказался. Гор был не один. Трамвай тринадцатого ускакал, как заяц, в сторону кладбища. С Гором. Гор выбрался родные могилы обиходить. Трафик рассосался.

Ундина же отнюдь не раскисла от комплиментов, а только больше распалилась.

– Все потому что ты на половозрелых баб пялишься! – обрушилась на благоверного.

– Как тебе Гор? – хотел перевести стрелки Шек.

– Это был не Гор! – ее прорвало.

Шек поднял брови.

– А ты не догадался? К нам подходил вообще неизвестно кто. И неизвестно зачем. И непонятно как он возле нас оказался.

Зачем она ополчилась? Ведь Ундина вообще Гора раньше не видела. Когда суда расходились, Гор находился на другом пароходе и был с расстояния двух кабельтовых вообще букашкой. Что это, истерика на комплимент неприятного ей человека (Гора или кого другого неопознанного)? У нервных натур отчаяние всегда рядом с кликушеством. Если успокаивать или просить прощения неизвестно за что, их еще пуще несет. Они самоподпитываются. Потом замыкаются в безадресной обиде, и лучше их не теревить, не бередить. И терпеливо дожидаться, когда отпустит. И Шек участливо примолк... В конце концов в этом копившемся срыве и его вина.

Каминский обогнал парочку. «Опель» Шека тоже вырвался на оперативный простор. Шек обнял Ундину. Каминский увидел в зеркальце заднего вида, как она его поцеловала. Ее отпустило. Случилась последняя отчаянная попытка воскресить угасающее чувство, ради которого мы, собственно, живем. И попытка эта больше не повторится – оба это понимали. Каминский добавил оборотов и потерял их из виду.

